



МЕДЛЕННАЯ СМЕРТЬ УНИВЕРСИТЕТА

Терри Иглтон

В предлагаемом читателям очерке британский литературовед и неомарксистский философ Терри Иглтон рассуждает о судьбе современного университета, успешность функционирования которого в глобальной системе капитализма оценивается только по приносимому им доходу.

Ключевые слова: *современный университет, глобальный капитализм, бизнес-модель.*

Несколько лет назад мне показали большой и весьма передовой в техническом отношении азиатский университет. Экскурсию проводил его гордый ректор. Как и подобает столь важным персонам, он передвигался в сопровождении двух крепких молодых телохранителей в чёрных костюмах и тёмных очках; вероятно, под куртками у них были автоматы Калашникова. Восхищаясь новой замечательной бизнес-школой и самым современным институтом управленческих исследований, ректор сделал паузу, ожидая, что тут я вставлю пару слов грубой лести. Вместо этого я заметил, что, кажется, на территории его кампуса не ведётся никаких критических исследований. Он посмотрел на меня с таким удивлением, как будто я спросил, сколько степеней доктора философии они ежегодно присваивают за танцы на шесте, и сухо ответил: «Мы учтём Ваше замечание». Затем он достал из кармана маленький образчик передовых технологий, лёгким взмахом открыл его и произнёс несколько резких слов по-корейски — возможно, это был приказ «Убейте его». Прибыл лимузин размером с площадку для игры в крикет, охрана погрузила в него ректора, и машина уехала. Наблюдая, как она исчезает из поля зрения, я задумался, когда же приведут в исполнение мой смертный приговор.

Это случилось в Южной Корее, но могло произойти практически в любой точке планеты. От Кейптауна до Рейкьявика, от Сиднея до Сан-Паулу неуклонно разворачивается событие, такое же значимое в своём роде, как кубинская революция или вторжение в Ирак: медленная смерть университета как

центра гуманитарной критики. Университеты, имеющие в Великобритании 800-летнюю историю, традиционно высмеивали как башни из слоновой кости, и в этих обвинениях всегда была доля правды. Однако дистанция, которую они устанавливали между собой и обществом, могла быть как пагубной, так и благотворной: она давала возможность размышлять о ценностях, целях и интересах общественного порядка, настолько слившихся с сиюминутными практическими задачами, что это почти лишало его способности к самокритике. Во всём мире эта критическая дистанция сегодня сократилась почти до нуля, а институты, произведшие на свет Эразма и Джона Мильтона, Эйнштейна и «Монти Пайтон», капитулировали перед беспощадными приоритетами глобального капитализма.

Многое из того, о чём я пишу, будет знакомо американским читателям. Ведь именно Стэнфорд и Массачусетский технологический институт создали саму модель приносящего доход университета. Но то, что происходит с высшим образованием в Великобритании, можно назвать американизацией без выгод — по крайней мере, без выгод американского частного образовательного сектора.

С этим столкнулись даже такие классические институты английской аристократии, как Оксфорд и Кембридж, чьи колледжи всегда

были в какой-то степени изолированы от влияния широких экономических сил благодаря тем щедрым пожертвованиям, которые они получали веками. Несколько лет назад я оставил кафедру в Оксфордском университете (событие почти столь же редкое, как землетрясение в Эдинбурге), когда осознал, что от меня ожидают, что я буду вести себя скорее не как учёный, а как гендиректор.

Когда я впервые пришёл в Оксфорд 30 лет назад, на подобную профессионализацию посмотрели бы с патрицианским презрением. Те мои коллеги, которые действительно беспокоились о получении степени доктора философии, предпочитали порой обращение «мистер», а не «доктор», так как последнее указывало на род занятий, не приличествующий джентльмену. Издание книг считалось довольно вульгарным. В порядке вещей было напечатать одну краткую статью о синтаксисе португальского или гастрономических привычках древнего Карфагена примерно раз в десять лет. Было время, когда тьюторы¹ могли даже не беспокоиться о том, чтобы согласовать со своими студентами время встреч. Вместо этого студенты, когда у них возникало желание выпить стаканчик хереса и завязать интеллектуальную беседу о Джейн Остин или функции поджелудочной железы,

¹ Индивидуальные кураторы студентов.



должны были просто заглянуть в комнату тьютора.

Сегодня «Оксбридж» по большей части сохраняет свою корпоративную этику. «Доны», главы колледжей, решают, как инвестировать деньги колледжа, какие цветы посадить в саду, чьи портреты повесить в профессорской, и как лучше объяснить своим ученикам, почему на винный погреб они тратят больше, чем на библиотеку. Все важные решения члены учёного совета принимают в полном составе, и всё, от финансовых и академических дел до управленческой рутины, утверждают избранные комитеты учёных, несущие ответственность перед всем учёным советом. В последние годы эта замечательная система самоуправления вынуждена была противостоять ряду централизованных мероприятий университетской администрации — вроде тех, что заставили меня уволиться, — но в общем и целом она крепко держалась. И именно потому, что колледжи «Оксбриджа» — это по большей части не соответствующие духу времени институты, они обладают небольшим перевесом, который позволяет им служить в качестве модели децентрализованной демократии, несмотря на те возмутительные привилегии, которыми они продолжают наслаждаться.

В других университетах Великобритании сложилась совсем иная ситуация. Вместо самоуправления учёных здесь господствует иерар-

хия: разветвлённая и запутанная сеть бюрократии, младшие преподаватели — рабочие лошадки — и проректоры, которые ведут себя так, как будто руководят «Дженерал Моторс». Старшие преподаватели стали теперь старшими менеджерами, кругом слышны разговоры об аудите и бухгалтерском учёте. На книги — это отжившее, унылое явление дотехнологической эпохи — всё чаще смотрят с неодобрением. По крайней мере один британский университет ограничил количество книжных полок, которые преподаватели могут иметь в своих кабинетах, чтобы воспрепятствовать созданию «личных библиотек». Корзины для бумаг стали такой же редкостью, как интеллектуалы в «Движении чаепития»², так как бумага ушла в прошлое.

Мещане, сидящие в креслах администраторов, покрывают кампусы глупыми логотипами и издают варварские, безграмотно написанные приказы. Один проректор из Северной Ирландии присвоил себе единственную общественную комнату кампуса, которую делили между собой сотрудники и студенты, чтобы превратить её в закрытый обеденный зал, где он мог бы развлекать местных важных персон

² Консервативное движение в США, выступающее за полную свободу индивидуального предпринимательства от государственных ограничений, за резкое сокращение налогообложения и, соответственно, против повышения расходов федерального бюджета, в т.ч. в социальной сфере.

и предпринимателей. Когда студенты отказались покидать это помещение в знак протеста, он приказал своим охранникам разгромить единственный находившийся рядом туалет. Британские проректоры годами разрушали собственные университеты, но редко настолько буквально. В том же кампусе охрана гоняла студентов, если видела, что они слоняются без дела. Университет без этих взлохмаченных непредсказуемых существ был бы идеален.

В центре развала образования оказались припёртые к стенке гуманитарии. Британское государство продолжает давать университетские гранты на точные науки, медицину, инженерное дело и прочее, но оно перестало тратить хоть сколько-нибудь существенные средства на гуманитарные дисциплины. Нет сомнений, что если ситуация не изменится, в ближайшие годы будут закрыты целые гуманитарные факультеты. Если филологические факультеты и выживут, то, возможно, лишь для того, чтобы учить студентов с отделения бизнеса расставлять точки с запятой — что весьма далеко от того, к чему стремились Нортроп Фрай и Лайонел Трилинг³. Гуманитарные факультеты теперь должны держаться в основном за счёт средств, получаемых от платного обучения; это означает,

что небольшие учреждения, практически полностью зависящие от этого источника дохода, были успешно приватизированы втайне от общественности. Частные университеты, которым Великобритания так долго сопротивлялась, подбираются всё ближе. А правительство премьер-министра Дэвида Кэмерона курировало резкий скачок расценок за обучение, и теперь студенты, зависящие от кредитов и обременённые долгами, по понятным причинам требуют высоких стандартов преподавания и более индивидуального подхода за свои деньги, в то время как гуманитарные факультеты сажают на скудный финансовый паёк.

Кроме того, в какой-то момент в британских университетах обучение стало менее важным делом, чем научные исследования. Деньги приносят именно исследования, а не курсы по истории экспрессионизма или Реформации. Раз в несколько лет британское государство проводит тщательную инспекцию каждого университета на месте, изучая в мельчайших подробностях результаты научных исследований каждой кафедры. Именно на этом основании предоставляются государственные субсидии. Таким образом, у учёных теперь всё меньше стимулов посвятить себя преподаванию, но много причин писать ради самого письма, штампуя абсолютно бессмысленные статьи, основывая бесчисленные онлайн-журналы, пунктуально подавая на внешние

³ Канадский филолог и американский критик, преподаватели литературы, оказавшие большое влияние на расширение роли гуманитарных дисциплин в высшей школе Северной Америки.



исследовательские гранты вне зависимости от реальной нужды в них и получая противоестественное удовольствие, добавляя всё новые строчки в своё резюме.

В любом случае, огромный рост бюрократии в британском высшем образовании, вызванный расцветом управленческой идеологии и жёсткими требованиями государственной аттестации, означает, что у учёных теперь остаётся гораздо меньше времени на подготовку к занятиям, даже если они ещё кажутся им достойным делом — что в последние годы представляется весьма сомнительным. Государственные инспекторы начисляют баллы за статьи с непроходимыми дебрями сносок, но популярный учебник, предназначенный для студентов и широкого круга читателей, обладает для них небольшой ценностью. Учёные, повышающие свой преподавательский статус, скорее всего возьмут отпуск, отнимая время от самого преподавания, чтобы потратить его на дальнейшие исследования.

Они бы заработали ещё больше баллов, если бы вообще ушли из науки и приказали долго жить, сохранив своим финансовым хозяевам столь неохотно выдаваемое жалование и позволив бюрократам развернуть свою деятельность среди и без того перегруженных преподавателей. Многие учёные в Великобритании уже осознали, как страстно их учреждение хотело бы, чтобы все они уволились, кроме немногих

известных имён, способных привлечь побольше новых клиентов. Вот и выходит, что нет недостатка в преподавателях, стремящихся уйти на пенсию досрочно, учитывая, что несколько десятилетий назад британская наука была весьма желанным местом работы, но теперь стала невыносимым местом для многих, кто занят в этой сфере. Впрочем, высыпая на рану ещё немного соли, власти собираются урезать и преподавательские пенсии.

* * *

По мере того, как преподаватели становятся менеджерами, студенты превращаются в потребителей. Университеты ставят друг другу подножки, пытаясь сохранить средства в бесстыдной борьбе. Как только студенты оказываются в их руках, вузы начинают давить на преподавателей, чтобы те не ставили плохих оценок, ведь это риск потерять деньги. Общая идея состоит в том, что провал студента — это вина педагога, точно так же как в больницах ответственность за смерть пациента возлагают на медицинский персонал. Одним из результатов этой погони за студенческими кошельками стало увеличение количества курсов, разработанных с учётом того, что модно сегодня у 20-летних. В моей дисциплине, английской филологии, модны вампиры, а не поэты викторианской эпохи, сексуальность, а не Шелли, фанатские журналы, а не Фуко,

современный мир, а не средневековье. Вот сколь сильно стало влияние глубинных политических и экономических сил на составление учебных планов. Любой филологический факультет, который сосредоточит свои усилия на англо-саксонской литературе XVIII века, будет рубить сук, на котором сидит.

Жадные до денег, некоторые британские университеты позволяют сегодня студентам, никак не проявившим себя в бакалавриате, поступить в магистратуру, а иностранные студенты (вынужденные, как правило, платить втридорога) могут оказаться в докторантуре, не владея уверенно английским языком. Долгое время презиравшие курс литературного мастерства как вульгарное американское занятие, факультеты английской филологии вынуждены теперь нанимать от отчаяния второсортных писателей или слабых поэтов, чтобы привлечь графоманские орды потенциальных Пинчонов⁴. Их цинично обчищают до нитки, прекрасно понимая, что шанс напечатать в лондонском издательстве чей-то первый роман или томик стихов, пожалуй, меньше, чем шанс проснуться и понять, что вы превратились в гигантского жука.

Конечно, образование должно реагировать на потребности общества. Но это не значит, что стоит

полностью подчинять себя нуждам современного капитализма. В действительности, бросив вызов этой отчуждённой модели обучения, можно удовлетворить нужды общества гораздо лучше. Средневековые университеты великолепно служили широким слоям общества, но они делали это, выпуская священников, юристов, теологов и чиновников, помогавших укрепить церковь и государство, а не хмурясь при виде любой интеллектуальной деятельности, не сулящей быстрой прибыли.

Но времена изменились. Для британского государства все финансируемые им научные исследования должны быть теперь частью так называемой экономики знаний, и их влияние на общество должно стать измеримым. Это влияние проще оценить для авиационных инженеров, чем для историков античности. В игре с такими правилами скорее победят фармацевты, чем феноменологи. Те, кто не привлекает выгодные гранты от частного бизнеса или не может заинтересовать больше количество студентов, переживают состояние хронического кризиса. Научные заслуги зависят от того, сколько денег вы способны заработать, в то время как хорошее образование приравнивается к трудоустройству. Не лучшее время для палеографов или нумизматов — специалистов, даже смысл названия чьих профессий мы вскоре перестанем понимать, не говоря уже о том, чтобы работать ими.

⁴ Американский писатель-постмодернист, снижавший громкую славу по выходу романа «V.» через несколько лет после окончания Корнелльского университета по литературной специальности.



Последствия этого снижения роли гуманитарного образования могут ощутить все, вплоть до средней школы, где изучение языков катится под откос, изучение истории ограничивается лишь новой историей, а изучение классики в целом ограничено частными учреждениями вроде Итона. (Борис Джонсон, известный итонец и мэр Лондона, постоянно вставляет в свои публичные заявления отсылки к Горацию). Действительно, философы всегда могут открыть на углу службу помощи, отвечающую на вопросы о смысле жизни, а лингвисты — установить пункты своих услуг в самых оживлённых местах, где может потребоваться что-то перевести. В общем, идея состоит в том, что университеты должны оправдывать своё существование, помогая бизнесу. Если воспользоваться холодной формулировкой правительственного отчёта, они должны работать как «консультационные организации». В действительности сами вузы стали высокодоходной отраслью, в которой работают отели, концертные и спортивные залы, точки общественного питания и прочее.

* * *

Если гуманитарные науки чахнут на корню, то это из-за того, что они послушны капиталистическим силам и при этом лишены средств к существованию. (В британском высшем образовании отсутствует традиция частных пожертвований,

принятая в Соединённых Штатах, главным образом потому, что в Америке гораздо больше миллионов, чем в Великобритании.) Кроме того, мы говорим об обществе, в котором, в отличие от Соединённых Штатов, образование традиционно не рассматривается как товар, который можно покупать и продавать. В самом деле, большинство студентов в сегодняшней Великобритании, вероятно, убеждено, что образование должно быть бесплатным, как в Шотландии; хотя здесь очевидна степень личной заинтересованности, это мнение также достаточно справедливо. Обучение молодых людей, как и защиту их от серийных убийц, следует рассматривать в качестве социальной ответственности, а не как повод для получения прибыли.

Сам я, будучи получателем государственной стипендии, семь лет учился в Кембридже совершенно бесплатно. Да, рабская зависимость от государства в столь нежном возрасте сделала меня мягкотелым и деморализованным, я не стою твёрдо на ногах и не смогу защитить свою семью с оружием в руках, если будет такая необходимость. В моей малодушной зависимости от государства я дошёл до того, что знаю, как вызвать пожарных, вместо того чтобы тушить пожар своими мозолистыми руками. Но, несмотря на эту слабость, я готов отдать мужественную независимость за семь бесплатных лет в Кембридже.

Да, когда я учился, студентами были лишь 5% населения Великобритании, и кое-кто утверждает, что сегодня, когда эта цифра достигла 50%, такая духовная щедрость стала нам просто не по карману. Тем не менее, допустим, Германия, предоставляет бесплатное образование значительному количеству своих студентов. Если британское правительство всерьёз хочет снять с плеч молодого поколения невыносимо тяжкое бремя, оно могло бы сделать это за счёт повышения налогов для некоторых богатых до неприличия граждан и взыскания миллиардов, которые ежегодно исчезают из-за уклонения от уплаты налогов. Это также возродило бы почётное прошлое университета как одного из немногих мест в современном обществе (другое — искусство), где преобладающие идеологии могут подвергаться пристальному изучению. Что если ценность гуманитарных наук состоит не в умении приспособляться к доминирующим идеям, а в способности им противостоять? Приспособление как таковое не имеет ценности. В былые времена деятели искусства были гораздо более, чем в современную эпоху, встроены в общество, но, помимо прочего, это значило, что они часто становились идеологами, агентами политической власти, защитниками существовавшего положения. Современный деятель искусства, напротив, не находит в социальном порядке столь безо-

пасной ниши, но именно по этой причине он отказывается принимать как должное почтительность к авторитетам.

Однако пока не создана лучшая система, я решил разделить участь твердолобых мещан и грубых искаателей выгоды. К моему стыду, я теперь вынужден спрашивать старшекурсников в начале семестра, могут они позволить себе моё великолепное понимание литературных произведений в лучшем виде, или им придётся ограничиться добротным, но менее блестящим анализом.

Устанавливать цену в зависимости от степени погружения в текст — неприятное занятие и, возможно, не лучший способ создать дружелюбные отношения со студентами; но оно логически следует из нынешнего академического климата. Кое-кто сетует, что этот климат создаёт индивидуальные различия между студентами, но хочу заметить, что те, кто не в состоянии заплатить за мои наиболее проницательные изыскания, могут свободно перейти на бартерную основу. Свежая выпечка, бочонки домашнего пива, вязанные свитера и прочная обувь ручной работы — всё подойдёт. В конце концов, в жизни есть вещи поважнее денег.

Статья была опубликована на сайте The Chronicle of Higher Education.

Перевод Елены Бучкиной под редакцией Дмитрия Субботина.